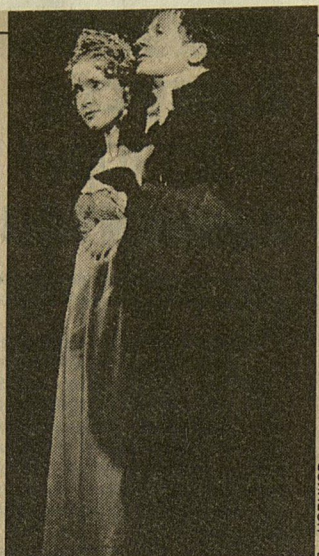

Премьера

Ольга ФУКС

О «раздвоении» Олега Меньшикова на актера и режиссера заговорили не так давно, но очень активно и с придыханием. Семь месяцев этот таинственный баловень экрана и сцены, лауреат многих премий у нас и премии Британской академии театрального искусства им. Лоуренса Оливье у них в обстановке строжайшей секретности репетировал «Горе от ума».

Олег Меньшиков (Чацкий): буря и натиск

Оксфордские мальчики

России не нужны

А. Грибоедов. «Горе от ума».

Постановка Олега Меньшикова

Весомость имени Меньшикова увеличивалась участием в спектакле Екатерины Васильевой вместе с Аллой Демидовой, Игорем Охлупиным и питерской звездой Сергеем Мигицко. Летом появилось несколько восторженных рецензий на премьерные показы спектакля в Риге и Челябинске. 14 сентября в день московской премьеры радио и телевидение сообщало о ней, уравнивая важность последствий этого события для страны с очередными шагами нового премьера. Несколько кордонов перед Театром им. Моссовета, где теперь каждый понедельник весь сезон будет идти меньшиковское «Горе от ума», отфильтровывали публику на законную и незаконную, хотя, судя по забытым под завязку проходам, прорвались все.

Внешне спектакль Олега Меньшикова кажется «петербургским», не помня Александр Сергеевич Грибоедов в своем «Горе» столько раз Москву нелестным словом (а режиссер не позволил себе ни одной купюры в тексте). Художник Павел Каплевич создал иллюзию дворцовых балюстрад, лестниц и купола прямо над головой, уходящего в небо. Под сводами этого дворца гуляли легкие и трагичные вальсы Валерия Гаврилина — как зыбкий сквознячок, что может иногда «задуть» сильнее, и распахнуть все двери, и закрутить все действие в стремительном вихре, и наградить зрителя чистой эмоцией, которая не зависит ни от подтекстов и смыслов, ни от игры актеров. По ходу действия это величие дворца будет расплываться, купол опустится с поднебесных высот и начнет «давить», как давит порой низкое петербургское небо. А закончится путь утраты иллюзий в самом что ни на есть прозаичном месте, под деревянной лестницей, где рушатся надежды, — на удачное ли замужество, на верность ли скромника-ухажера, на возможность ли счастья (каждому по потребностям) — и наступает прозрение.

О пресловутой актуальности классики говорить уже надоело, но, наверное, даже думая о ней, как и положено режиссеру, Меньшиков и не предполагал, каким больным эхом отзовутся именно сегодня слова о молодых невостребованных людях, которых списали заранее в угоду старым порядкам, и которые, возвращаясь в страну этакими «оксфордскими мальчиками» с широтой ума и взглядов, оказываются совершенно ей не нужны. Правда, новая русская публика воспринимает текст как откровение и выражает свой бурный восторг столь же бурными апло-

дисментами в аккурат поперек фразы, не давая бедному, но польщенному артисту договорить (словно едкая острота автора — это не часть мысли, а цирковой трюк). Тем более что не всем удается так мастерски обыграть навязчивую любовь зрителей, как это удалось Екатерине Васильевой, играющей Хлестову с благословения батюшки, которая, царственно переждав шквал аплодисментов, спросила у зала: «Легко ли?». Пора уже, взяв пример со Станиславского, запретить аплодисменты вслед за сотовыми телефонами.

Олег Меньшиков традиционно хорош — легок, изящен, взволнован и страстен, как только он это умеет. Нет сомнения, что Софья когда-то любила такого Чацкого очень сильно, но женским каким-то, домогательским чутьем поняла, какие бури и натиск ждут ее с ним, и инстинкт самосохранения победил. А потом так же по-женски не смогла простить, что этот язвительный последний романтик смеет высмеивать ее выбор. Но все сказанное можно было бы отнести к некоей идеальной постановке Олегом Меньшиковым грибоедовской комедии. Реальный спектакль все-таки далек от совершенства, которое предвкушали все. Когда Чацкий рвется к Софье (Ольга Кузина), когда он упивается сарказмом, издаваясь над Молчалиным (Алексей Завьялов), пресловутого столкновения двух правд, без которого немислим драматический конфликт, не получается. Просто потому, что слишком уж не равны актерские масштабы Меньшикова-режиссера и его партнеров. (Правда, Меньшиковым не исчерпывается число актерских удач. К ним можно было бы отнести и «фоменку второго призыва» Полину Агурееву (Лиза) — очаровательно живую служанку, словно ворвавшуюся в русскую классику из компании Смеральдин и Панталоне комедии дель арте.) Корежистский ершистый текст, наполовину состоящий из пословиц, произносится легко и виртуозно, словно тест на мастерство речи, но иногда кажется, что это легкость ради легкости, легкость пустоты, которая может оказаться довольно-таки утомительной. Словом, нам снова сделали красиво, и не больше.

P.S. А все-таки забавно было наблюдать зрительный зал сверху после финала. Толпа восторженных поклонников и в основном поклонниц с букетами наперевес рвется к сцене. А мои коллеги с трагизмом во взоре против течения устремляются к выходу. Но что бы там ни было, этот спектакль станет самой модной постановкой сезона.